

Чэн Кун присел на корточки, отпустил зверя-дителя и сделал два шага к Шэнь Юэтаню. Хотя он был обычного роста, он всё же был значительно выше ребёнка, и, говоря сверху вниз, он мог бы показаться подавляющим, но он не обращал на это внимания, лишь холодно произнёс:

— Мне всё равно, кто ты такой и какие у тебя намерения. Если ты сделаешь что-то, что навредит патриарху, будь то намеренно или случайно, я уничтожу тебя.

Этот молодой человек был мастером в том, чтобы вывести Шэнь Юэтаня из себя.

Шэнь Юэтань, разъярённый до предела, рассмеялся:

— Господин Чэн, вы преувеличиваете. Я всего лишь ребёнок, и уж точно не заслуживаю такого внимания и угроз от вас.

Чэн Кун ответил:

— С тех пор как я покинул своего учителя и спустился с гор, мои планы и расчёты никогда не проваливались, и всё потому, что я никогда не недооценивал даже самых незначительных угроз. Шэнь Яньчжоу — это самая большая ставка в моей жизни, и я не допущу ни малейшей ошибки. Шэнь Юэтань, среди всех членов семьи Шэнь ты больше всех похож на прежнего патриарха Юэ, и только это уже делает тебя слабым местом Шэнь Яньчжоу. И при этом он отказывается убить тебя или взять под стражу в Секте Линань, что может привести к серьёзным последствиям. Шэнь Юэтань, береги себя.

Шэнь Юэтань задумчиво произнёс:

— Самая большая ставка? Господин Чэн, вы не похожи на игрока.

Чэн Кун повернулся и устремил взгляд вдаль, сквозь густые деревья виднелись сверкающие воды озера и горные хребты, величественные и прекрасные. Он спокойно сказал:

— В мире асуров есть сотни сект, управляемых четырьмя Королями Асуров. А над ними стоит Великий Король Асуров.

Шэнь Юэтань удивлённо моргнул:

— Господин Чэн, у вас поистине огромные амбиции.

Чэн Кун ответил:

— У меня есть стратегия, но нет терпимости, умения выбирать людей и способности подчинять их себе. Единственный, кто может стать Великим Королём Асуров в наше время, — это Шэнь Яньчжоу, и никто другой.

Шэнь Юэтань смотрел на этого холодного, как лёд, молодого человека, который вдруг загорелся невероятной страстью, его глаза сияли, словно ослепительное солнце, заставляя Шэнь Юэтаня чувствовать себя обнажённым.

Чэн Кун добавил:

— Шэнь Юэтань, если ты станешь союзником, мы будем работать вместе. Если же ты станешь препятствием, даже десять Шэнь Яньчжоу не спасут тебя.

Они стояли друг против друга, их взгляды сталкивались, словно высекая искры. В этот момент дверь каменной комнаты скрипнула, и вышел Шэнь Яньчжоу. Увидев их, он слегка удивился, затем поднял брови и улыбнулся:

— Чэн Кун, что привело тебя сюда? Что-то случилось?

Чэн Кун спокойно отвел взгляд и равнодушно сказал:

— Благовоние для уничтожения насекомых оказалось очень эффективным, и мы закончили очистку от червей-стрелков. Ань Хуэй поймал несколько ос с призрачным ликом и запер их в пещере впереди. Я пришёл узнать, есть ли у патриарха указания.

Шэнь Яньчжоу медленно поклонился и улыбнулся:

— Вы очень внимательны. Всё идёт хорошо, всё готово, осталось только, чтобы Мастер Благовоний приступил к работе.

Чэн Кун кивнул:

— Тогда я пойду.

И он действительно ушёл.

Шэнь Яньчжоу смотрел, как он удаляется, и мягко сказал:

— Пять лет назад я познакомился с Чэн Куном в Переулке Слушающего Волны.

Шэнь Юэтань резко повернулся к нему:

— П-Переулок Слушающего Волны? Патриарх был в таком... таком... непристойном месте?

Он выразился мягко, но на самом деле Переулок Слушающего Волны был полон публичных домов и когда-то назывался Переулком Коровника. Сто лет назад один распутный поэт часто посещал его, и однажды, опоздав, он обнаружил, что его любимая девушка занята с другим клиентом. Не желая искать кого-то другого, он остался в комнате один и, напившись, перед рассветом написал на белой стене восемь иероглифов: «Вино осталось, аромат исчез, ночь слушающая волны».

Поэт, наполовину иронизируя, наполовину сокрушаясь, оставил глубокую печаль, которую посторонние не могли понять. Однако люди, стремясь казаться утончёнными, изменили название переулка на Переулок Слушающего Волны. Но, несмотря на новое имя, это место

осталось тем же: публичные дома стояли друг за другом, принимая гостей спереди и провожая их сзади, и так продолжалось сотни лет.

Шэнь Юэтань знал, что это место было грязным и низким, и не мог понять, чем Шэнь Яньчжоу мог там заниматься. В его душе поднялось чувство глубокой печали.

Шэнь Яньчжоу, не замечая его состояния, лишь улыбнулся:

— Места разврата презираются благородными людьми, но они идеально подходят для того, чтобы скрыться. Если хочешь остаться незамеченным, такие места — лучшее решение.

Затем он вздохнул:

— Там все — мастера обмана, и если они понимают, что ты что-то замышляешь, они без колебаний запросят огромную цену... Если не занимаешься развратом, это обходится дороже, чем если бы занимался!

Шэнь Юэтань наконец понял и, успокоившись, почувствовал одновременно облегчение и горечь, но также и смех, который не мог удержать. Он смущённо произнёс:

— И... Чэн Кун тоже...

Шэнь Яньчжоу вздохнул ещё глубже:

— Ах, его обманом заставили продать себя.

Шэнь Юэтань почувствовал, как его губы непроизвольно дёргаются, и с сожалением прикрыл лицо рукой:

— Господин Чэн, известный как величайший мудрец мира асуров, как же он попал в публичный дом?

Они продолжили беседу, вернувшись в каменную комнату. Зверь-дитя, тайком подкрадываясь к ногам Шэнь Юэтани, всё же наткнулся на защитный барьер и, отскочив, несколько раз перекатился по земле, затем сердито мяукнул и снова полез на дерево.

Шэнь Яньчжоу продолжил рассказ:

— Чэн Куна его учитель нашёл в младенчестве и забрал в горы, где он жил в уединении, пока пять лет назад не спустился в мир. Поэтому он знает множество хитростей, но совершенно не разбирается в человеческих отношениях. Он думал, что присоединяется к Секте Бамбуковой Роши, но оказался в логове хищников. Если бы я случайно не наткнулся на него, мир лишился бы великого мудреца Чэн Куна, но зато получил бы холодного и расчётливого слугу... Кто знает, может, он стал бы ещё более влиятельным, ха-ха-ха-ха!

Он рассмеялся, но затем, почувствовав неловкость, потер нос и предупредил:

— Это строгая тайна, никогда не говори об этом Чэн Куну и никому другому. Иначе он разозлится, и неизвестно, что он может сделать.

Шэнь Юэтань, накрыв рот и нос тканью и проверяя порошок в ступке, бросил на него взгляд:

— Если это такая тайна, почему патриарх рассказываешь с таким удовольствием?

Шэнь Яньчжоу серьёзно ответил:

— Юэтань, я говорю тебе это, чтобы ты понял, что у Чэн Куна есть слабости, особенно в общении с людьми. Если ты будешь воспринимать все его слова всерьёз, то не проживёшь и трёх дней. Ты ещё молод, и было бы жаль, если бы ты умер.

Шэнь Юэтань улыбнулся под тканью, и всё его недовольство от конфронтации с Чэн Куном исчезло. Он мысленно пообещал себе: «Если Чэн Кун действительно меня разозлит, я спрошу его, как ему жилось в публичном доме!» Хотя он не посмел бы сделать это на самом деле, сама мысль доставляла ему удовольствие, и его движения стали более лёгкими.

Он достал вино из персиков, налил полный кувшин, растворил в нём драконий мозг, нагрел до исчезновения запаха алкоголя и охладил до тёплого состояния. Затем он снова попросил Шэнь Яньчжоу помочь, держа пестик, пока он осторожно вливал драконий мозг в ступку.

Они больше не разговаривали, полностью сосредоточившись на измельчении, и потратили несколько часов, чтобы драконий мозг полностью смешался с порошком.

Изначально неприметный коричневый порошок в ступке превратился в однородную массу, бесцветную и без запаха, как кусок мягкого нефрита, готовый перелиться через край.

Шэнь Юэтань поставил на пол огромный кувшин, который был высотой в половину его роста, и с облегчением вздохнул, осознав, что его руки и ноги уже полностью обессилели. Он медленно скользнул вниз, опираясь на кувшин.

Шэнь Яньчжоу подхватил его, чтобы он не упал, и тихо сказал:

— Ты хорошо справился.

Шэнь Юэтань, прижавшись к его груди, слушал его сердцебиение, которое было таким же, как раньше, но в то же время другим. Его мысли замедлились, и он схватил одежду Шэнь Яньчжоу, шепча:

— Патриарх?

Шэнь Яньчжоу, не зная, о чём он думал, просто стоял на месте, ответив:

— Да?

Шэнь Юэтань спросил:

— Патриарх думает, что лучше было в Секте Поиска Дао или сейчас в Секте Линань?

Шэнь Яньчжоу медленно пошёл в соседнюю комнату, уложил ребёнка на кровать и улыбнулся:

— Везде ловушки, везде опасности. Нигде не лучше. Если честно, лучше всего было до шестнадцати лет.

Когда Шэнь Яньчжоу было шестнадцать, Шэнь Юэтаню было тринадцать. Именно в этом году Шэнь Яньчжоу был вынужден покинуть Дворец Приюта Солнца и жить отдельно от своего названного брата. С тех пор Шэнь Юэтань каждую ночь не мог спать, его поведение становилось всё более раздражительным и беспокойным.

<http://bllate.org/book/15426/1364980>